

АРТУР
СПЕРАНСКИЙ

ЛИЦА
НАПРОКАТ

18+

Артур Сперанский
Лица напрокат. 18+

«Издательские решения»

Сперанский А.

Лица напрокат. 18+ / А. Сперанский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851104-2

Остросюжетный рассказ о двух братьях, которые в густом тумане наркотического угара ищут святое лоно морали, утонувшее чугунным якорем в океане золотой безнравственности. Данный рассказ повествует о социальном неравенстве, раскрывая глубокую проблему выбора между добром и злом, проклятием родиться с «золотой ложкой во рту» или на дне пищевой цепи. На какие поступки готов человек, чтобы воспарить над окружающими своим всемогущим превосходством? Что есть боль осознания действительности? Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-851104-2

© Сперанский А.
© Издательские решения

Содержание

Цитаты из книги	6
Пролог	7
Глава 1. Аким	8
Глава 2. Вечеринка у Моника	10
Глава 3. Рыбалка с братом. Знакомство с Сэмом. Пьяный, обдолбанный карлик	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Лица напрокат 18+

Артур Сперанский

Иллюстратор Полина Громько

© Артур Сперанский, 2024

© Полина Громько, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-4485-1104-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Цитаты из книги

«Дым сигарет и пидорская музыка, бодрые стилиаги и уставший я. Ну здравствуйте, будущие мамы, позор нынешнего бытия. Я не против с вами выпить, передайте привет своим парням, целовавших вас, забыв про губы. Пусть передадут привет своим мамам, вчера заходившим ко мне в гости. Я хочу уехать домой, где ждет меня черноглазая икона, которой стыдно за меня чуть меньше чем за вас. Встретимся в аду милые дамы, их парни и мамы. Не стоит ходить в церковь под старость лет, я оплакиваю вас на алтаре танцпола.» – А. О. Сперанский

«Веселись юноша в юности своей» – Ветхий Завет.

Пролог

Красивая обертка конфеты вызывает подлинное желание заполучить её. Этот факт является одним из векторов жизненной рутины. Девушки готовы делать низкие отвратительные поступки из-за красивых камней или в меру пушистых вещей, продавая свои прелестные лица щедрым покупателям. Продав свою внешность, человек невольно прощается со своей душой. Неважно как это понимать: может он продаёт её дьяволу, а может, хоронит в космической пустыне, в любом случае, обручив её со страданием.

Представьте, как много стоит красота? Спросите самого уродливого человека, на что он готов ради того, чтобы стать хоть в пол раза красивее? Вряд ли он пренебрежёт самыми грязными способами.

Вообразите мир, где лицо является съёмным атрибутом внешности, как какая-то маска: захотел – продал, захотел – поменял, захотел – украл или выиграл в карты. Совершенно новый и безумный мир со своей религией, своей историей войн, политикой. Но с такой же гнилой системой ценностей.

Такой мир существует.

Глава 1. Аким

В вечно Солнечном городе «О» можно было легко определить достаток человека: как правило, эти люди были безупречной красоты. Это был город явных внешних контрастов. Например,

в каком-нибудь прибрежном, ужасно дорогом ресторане, вы могли бы увидеть пару, небесной красоты, мужчину и женщину надменно воспарив над окружающими, воняющими своенравием мыслями. Но стоило вам взглянуть за соседний столик, вы бы лицезрели людей ещё красивее предыдущих, или таких же. А может менее привлекательных... В общем, это дело вкуса. Эти богемы то и дело соревновались друг с другом своими безупречно индивидуальными контурами. Рядом со всеми ними трудно было не заметить обслуживающий персонал, многие из которого носили маски милых мультяшных героев, которые то и дело мило улыбались хозяевам царившей в зале атмосферы. Всем было известно, что таилось под этой симпатичной пластмассой или резиной. Там было скрыто уродство, бремя накладывающее ярлык второго сорта. На них не смотрели свысока. На них не смотрели вовсе. Живая мебель в довольно милых чехлах.

Мало кто из всех обитателей города не знал Акима – местного любимчика и постояльца каждого места в этом городе, где был хоть какой-то намёк на пафос и роскошь. Аким был своего рода идиолом и причиной слюновыделения для окружающего общества. Объяснением всему была его ангелоподобная внешность, данная ему от рождения. Мало кто верил, что лицо досталось ему именно так, в то время как отец Акима был хозяином сети казино на побережье. И даже такой толстосум, как его отец, мог только мечтать о лице своего сына. Порой казалось, что сам Папа Римский время от времени предавался онанизму со всей ассамблеей ангелов, представляя Акима на алтаре своих веземных желаний.

Очередным жарким и солнечным днем наш идол загорал на одном из городских пляжей со своей подругой Николь. Попивая прохладное вино, он был погружен в думу о возвышенном: о всей красоте, которой Господь Бог дал ему насладиться, и о всей грязи, которую на зло «создателю» сотворили люди.

Солнце жадно впивалось в его смуглую кожу, вождедея его каждым лучиком своей пламенной сущности. Казалось, что на Николь падала тень, из-за игры в тет-а-тет Акима с лучезарной звездой.

– Мы можем не идти на стихотворный вечер моей сестры, если ты не желаешь, – тихим ласковым голосом пропела Николь. Речь шла об её сестре Монике – любительнице организовывать всякие светские рауты в фамильном поместье их семьи.

– Ну как же, я не могу пропустить открытие нового террариума, – саркастично ответил Аким. На самом деле, он был утонченной личностью, и никогда не позволял ослепить себя мишурой, брошенной ему в глаза. Он был жертвой обстоятельств. Жертвой своей внешности, за которой скрывалась тождественная ей красота. Прекрасный мотылек, чувствующий себя не в своей тарелке, томящийся, и деливший ложу с кучей жирных, вонючих, но одетых в золотые фракки мух.

– Хватит уже ставить себя выше других, тебе все будут рады, ты же не хочешь выставить меня ветреной дамой, если я приду без своего спутника, – с легким возмущением продолжила Николь.

– Я приду и расцелую каждую задницу в засос так, что на них останется запах моего цирюльного лосьона, если ты пожелаешь, моя Венера, – ответил Аким.

– Вот и славно, и в этот раз без своих эксцентричных выходов.

Аким промолчал, вообразив Иисуса, протягивающего косяк палестинскому боевику.

Обстановка была разряжена бывалым морским бризом. Волны то и дело облизывали кончиком своего языка сладкие пальцы влюбленной пары. Так Аким с Николь провалялись до самого вечера, успев захмелеть, как шестнадцатый тост на армянской свадьбе.

Время вечеринки подступало все ближе. Наша изящная пара лениво накинула свою походную одежду и двинула в сторону парапета. Навстречу им дул сладкий ветер, напоминавший, что жизнь приправила блюдо их судеб сахарной пудрой.

Поднявшись на парапет, Аким заметил несколько удивительных картин, на которых была изображена повседневная пляжная жизнь. Картины были похоже даже больше на фотографии, на которых то и дело промелькивали знакомые богемы Акима. Рядом с этими картинами стоял художник, полностью погружившийся в работу. Он был низок и худощав. Лицо закрывала веселая маска кукрыниксов. Тут раздался громкий и задорный голос:

– Эй, ни уж то ты собираешься провести меня до нашей яхты, ковбой? – Это был неполнородный старший брат Акима по линии матери – Мартин. Мартин был импульсивным и харизматичным юношей, с довольно милοвидными чертами лица, подпорченными следами множества кулачных боёв. Он был известным боксером, публично пренебрегающим обществом, где обычно находился его брат. Высоким курчавым разгильдяем, любящим только своего брата, Элвиса Пресли, девочек и яхту.

– Неет, чудище ты бесноватое, сегодня я намерен не дать заскучать Николь на вечеринке у её злого двойника, – вальяжно выкинул Аким. Николь со злобой фыркнула и отвернулась. На самом деле, Аким с великим удовольствием бы распивал всю ночь мескалиновые¹ коктейли на его с братом яхте, предаваясь кислотным галлюцинациям, то и дело, сбрасывая себя с бра-тишкой в воду, пугаясь пламенного прожектора маяка, и предаваясь объятию темноводного моря, и своевременно опасаясь глубоководных чудовищ-нацистов, живущих в донном песку.

– Ну ты и «киска», подарю тебе тугие стринги на твой следующий день рождения.– Упрекнул Мартин.

– Да иди ты в жопу, найди лучше себе девушку. Или ты того, светло синего цвета? Зовешь меня на яхту, чтобы трахнуть, инцестник ты херов.

– Ух, надрать бы тебе задницу за такие слова, братец, а потом уж показать твоей леди, кто из нас настоящий мужчина.– Завелся Мартин, в то время как Николь уже не радовала озорная атмосфера, царившая между двумя веселыми братьями.

– Ну, тебе вот только мужские задницы и драть.– Подколол Аким.

– В общем, ты как хочешь, а я пожалуй заберу вон ту, загорелую неаполитанку на нашу яхту, напьюсь с ней и сожгу наш корабль любви дотла.– Сказал Мартин, показав пальцем на смуглую девушку, стоящую в пяти метрах от них. На этом братская беседа прекратилась. Мартин подошел к девушке, и глядя ее талию указал рукой в сторону яхты. Аким с Николь удалились в сторону апартаментов своего номера в казино всемогущего «папочки», чтобы принять представительский вид для грядущего вечера.

¹ **Мескалин** – психоделик, энтеоген, алкалоид из группы фенилэтиламинов. Систематическое название – 2- (3,4,5-триметоксифенил) -этиламин. В небольших количествах содержится в кактусах рода *Lophophora* (*Lophophora williamsii*)

Глава 2. Вечеринка у Моники

Гостиный зал был королевского размаха. Он напоминал президентский люкс, загаженный компанией накокаиненного, богатого себе мнением, и похожего на красивых восковых фигур люда. Войдя туда, Аким и Николь по достоинству оценили размах, царившей там атмосферы. Их встретил уродливый чернокожий карлик, обличенный в королевский фрак из детского мира и с подносом шампанского на его голове. Таких маленьких угодников было около дюжины, а еще в придачу куча разных цирковых танцоров, со всяким множеством атаквизмов на потеху публике.

– Добро пожаловать, господа, – пропищал карлик. – Мы вас уже заждались.

– Благодарю старина! – С симпатией откликнулся Аким, взяв по бокалу шампанского себе и своей спутнице. Официант немедленно удалился. Моника стояла в центре зала, в роскошном приталенном платье в пол. Нельзя было не заметить, как она стремительно теряла внимание окружающих, переключивших свой взор на известную, везде желанную, вновь прибывшую пару. Аким и Николь были одеты в изумительные белые одеяния: смокинг и платье, подчеркивающие их светло бронзовый загар. Моника стремительно двинула к ним.

– Здравствуйте мои дорогие. – Сказала она, чмокнув свою сестру в щечку и с натянутой улыбкой, кивнув Акиму. – Как вам обстановка, впечатляет?

– Еще бы, все довольно мило. – Ответил Аким. – Твой парень вполне любезно угостил нас шампанским. Николь толкнула спутника локтем в бок.

– Какой парень? Не всем везет встретить человека достойной мне внешности, как моей сестре, правда столь бестактного, как ритм глухого барабанщика. – Надменно произнесла Моника.

– Ну, он был темнокожим и невысокого роста, цвет кожи, скажем, прям подстать цвету твоего сердца. – Расхохотавшись, воскликнул Аким.

– Я уже было начала забывать какая ты гадкая мокрица, но я даже не обижаюсь, так что приятно провести вечер.

– Да не обращай на него внимание. – Взволнованно начала Николь. – Он просто так дурачится.

Настроение у Акима стремительно падало вниз, как пикирующий истребитель с отказавшим двигателем. Всюду царил хаос и суматоха. Мужчины и женщины то и дело подносили свернутого «Франклина» к своим ноздрям, делая резкие вдохи. Варясь в одной каше нарциссизма, казалось, что они все говорили одновременно взахлеб, пытаясь заставить собеседников слушать. Моногамная вакханалия. «Так, надо осмотреться, найти наилучший вариант скрасить этот вечер в логове содомии», – подумал Аким и принялся за дело. Кругом то и дело мелькали знакомые женские лица. Многим из этих дам в свое время посчастливилось попробовать на вкус сладкую Акимовскую плоть. А может это совсем другие, незнакомые ему женщины, которые задорого приобрели свою внешность у вышеперечисленных распутниц. Не важно, эти лица... они в любом случае были знакомы с половым путеводным компасом нашего героя. Вообще обстановка напоминала пародию на званый ужин бывалого французского офицера, века, скажем, девятнадцатого. Каждый пытался протиснуться сквозь толпы отвратительных ящериц, по пути попинывая карликов, чтобы пожать руку Акиму и поприветствовать его даму сердца. Черт возьми, стоило отметить энтузиазм Моники, которой удалось собрать всех золотых фриков города в одном доме. Не хватало католических священников педофилов с компанией детского церковного хора. Людей вокруг Акима становилось все больше, со всех измерений воздушного пространства выстреливали вопросы, сбивающие с толку нашего героя: «ну что нового? Эти цены на участки, они возмутительны. Придешь на свадьбу моей дочери? Слушай, нужно срочно увидеть твоего отца!», – восклицали они. «Сраные мухи», – думал Аким, –

«какого черта им надо, тут куча другого говна, которым можно полакомиться вдоволь, а они выбрали меня, стоит мило показать им свою незаинтересованность к ним, только тактично, я обещал Николь.» Допитый бокал шампанского вступил в любовный союз с дневной нормой выпитого вина и было довольно трудно публично выразить свое недовольство. Голова Акима кружилась как итальянская балерина на пробах в лебединое озеро. И тут он выдал:

– Господа, ну-ка нахер! Вы гребанные стервятники, кружащие над пустыней, в которой, стало быть, оазисом царит моя физиономия, вы срите мне в глаза, а потом, пытаясь убрать свое дерьмо, выклевываете их, примостив свои члены-радиоприемники в мои уши. Я не слышу даже музыки из-за громкого чавканья ваших чванских ртов, вы дислексичные правоведаы, захлебнувшиеся в дьявольской моче, опричники коммерсантской эры, оставьте вы меня, ублюдки, в покое, пожалуйста, любезные, будьте так добры.

Речевой дихлофос сделал свое дело, и гордые тараканы рассеялись по углам, осудительно приняв дозу незабвенного кайфа.

– Бармен, этому мистеру больше не наливать, – выкрикнул из толпы высокий мужчина, похожий на адвоката, специализирующегося на делах сексуального насилия, вызвав бурный смех и овации у причесанного стада.

Аким почувствовал, как сверло взгляда Николь с ненавистью делает болючую дыру в его пупке. Глаза ее были наполнены яростью и стыдом. Подбежав к нему, она вцепилась в его бока и заревела:

– Сукин ты сын, что ты возомнил о себе? Папенькин сыночек, да чтоб ты сдох от диареи козел проклятый.

– Не кипятись, детка. Я довольно мило побеседовал с господами, они по достоинству оценили мою просьбу и отвалили. Да, и посмотри на свою сестру... меня теперь все осуждают, причем с ней, она снова в центре внимания, она счастлива.

– Закрой свой рот, я ..., – продолжала Николь, но Аким уже не мог слышать её, его озадачила мысль, и он не мог больше ни о чем думать. «у попа была собака, он ее убил... Какого хрена этот мерзавец сделал это? Это же глупая собака. За что он так ее? За съеденный кусок мяса? Собака не соблюла пост? Эти чертовы священники с мутирующим сознанием, они то и дело творят ужасающие вещи, прячась за спиной своего друга Иисуса. У меня была знакомая проститутка, так вот она рассказывала...», – мысли Акима росли в геометрической прогрессии, и он, игнорируя вопли Николь, пошёл дальше оценивать ситуацию. Она продолжала кричать ему вслепую, но вакуум его мыслей не давал чувствительной психике принять в свой храм ни слова из выкрикнутого ей. Нет ничего страшнее пьяной озверевшей девушки, а вот пьянство мужчин порождает похуизм в его глубокой и хронической ипостаси.

Но вдруг мысли Акима, окликнула приятная музыка, которую тот, наконец-таки, смог услышать. Маэстро грациозно исполнял одну из композиций Фредерика, мать его, Франсуа черт его дери Шопена². Ну вот, вечер стал принимать более приятный окрас, а может виной всему полу-соматическое состоянию алкогольного опьянения? Не думаю. Музыка проходила сквозь Акима, наполняя каждую клетку его тела каким-то чудесным спокойствием. Подушечки пальцев маэстро занимались любовью с клавишами фортепьяно, нежно касаясь их, сливаясь с ними, порождая чудное детище, которое Аким был готов всю ночь лелеять на своих руках.

Попутный музыкальный ветер, послал фрегат Акима к гавани, которая стала главной целью этого вечера, так он оказался за барной стойкой. Бар... – оплот любого одинокого сердца, ищущего радость тепла, после ужасной пурги. Аким сел по центру бара. Слева от него сидела женщина бешеной красоты с белым питоном, греющимся на ее костлявых плечах. Красота этой девушки была действительно необычайна: смуглая кожа, черные, как смоляные волосы

² **Фредерік Франсуа Шопен** – польский композитор и пианист-виртуоз, педагог. Крупнейший представитель польского музыкального искусства, стал основоположником польской национальной композиторской школы.

и, конечно же, глаза цвета голубой лагуны, из которой так и хочется испить после буйной попойки. «Зачем ей змея? Для каких утех, не удивлюсь, что эта тварь отужинает одним из бедных карликов под закат сегодняшней ночи». – Подумал Аким. – «Нужно заговорить с ней».

– Ну и шоу же ты устроил, тебе это не идет, – внезапно начала она.

– Что не идет?

– Ой, прости, я имею в виду, тебе это не к лицу, я первый день в городе, мне успели многое рассказать о тебе. Я как раз остановилась в «Золотом Руно». Как мне известно – заведения твоего отца. Девушка выглядела многозначительно богатой: одежда, украшения, грамотно поставленная речь.

– Что ты можешь знать про меня? Я алкоголик, делинквент³, социопат и бесславный ублюдок, наплевавший на каноны бутафорной морали, царившей в этом душном мне помещении. – Заявил Аким.

– Ты мне не кажешься таким, да и в прочем, если тебе здесь так душно, ты в праве молча уйти, не навязывая этим людям свою неприязнь к происходящему.

Девушка явно нравилась Акиму все больше и больше. Казалось, будто ее белоснежный питон в тот час разбил его грудную клетку, и, схватив в тесные объятия его сердце, предоставил даме на блюдечке.

– Как твое имя? – Заинтересованно продолжил Аким.

– Меня зовут Ли́ла, а ты, как я поняла – Аким. Рада знакомству.– Ответила девушка, после чего достав из сумочки «чек⁴» с белым порошком, высыпала его на своё карманное зеркальце и положила на стойку между ней и Акимом. В тот же момент, не боясь осуждения, сделала два резких вдоха в каждую ноздрю.

– Будешь? – предложила она, протянув Акиму свернутого «Франклина».

– А к черту, почему бы и нет. – Ответил тот и приступил к делу. «Как опасен зеленый город „F“, когда в нем, во всем бумажном и свернутом в трубочку, начинается бурный белоснежный праздник танца и разврата. Весь город снизу вверх пересекает скорый поезд кокаина, влетающий в тоннель твоей ноздри и разбивающийся о хрящевую стенку твоей носовой перегородки. В этом крушении погибает много лет твоей жизни, но ты приобретаешь одноночное бессмертие, ты завоевываешь эту ночь, отдавая сатане пару скучных дней своей старости».

– Знаешь, я намерена купить твое лицо – Неожиданно заявила Ли́ла.

– На кой черт тебе мужское лицо?

– Не мне, моему брату, у него скоро день рождения.

– Боюсь не все в этой жизни можно купить, тем более у человека, у которого и так все есть. – С нарастающим тоном ответил Аким. Это заявление взбудоражило его.

– Я готова заплатить три миллиона долларов. Моей семье это по карману.

– Я не сомневаюсь в твоем достатке, но мне это не за чем. Но если ты не против, в ближайшие дни я мог бы показать тебе пару аукционов, где ты непременно найдешь отличный подарок за более адекватную цену.

– А твоя властительница не будет против? – Провокационно бросила Ли́ла. – По-моему она однозначно не довольна нашей с тобой беседой, вон, глянь.

Аким обернулся назад и увидел Николь, которая фальшиво улыбалась и смотрела на него, показывая средний палец.

– Я не уверен, что она моя, в любом случае нам стоит попробовать, а там посмотрим, чье сердце кому принадлежит в этом любовном хитросплетении. Флюиды то и дело наплывами разбивались о сердца, только познакомившихся, как волны о препятствующие им скалы.

³ Делинквент (от лат. *delinquens* – правонарушитель) – субъект, чье поведение характеризуется нарушением правовой нормы, в результате чего возникает правоотношения ответственности.

⁴ Чек – сверточек из фольги или бумаги с героином или кокаином.

– Ну, в таком случае договорились! – Улыбнувшись во весь рот, подвела итог Лила.

Прервав милую беседу, к Акиму подошел тот самый чернокожий карлик, угостивший его шампанским, в руках у него был стационарный телефон кислотно-зеленого цвета, шнур от телефона тянулся через весь зал.

– Полагаю это вас сэръ, – пропищал карлик и протянул трубку Аким.

– И вновь спасибо старина, – ответил Аким и поднес аппарат к уху. Карлик оставался неподвижным и держал вторую часть телефона с кнопками в виде барабана, типа из поле чудес, у себя в руках.

– Алле, штаб квартира Саддама Хусейна, – пошутил Аким.

– Хуэйна, чудовище ты мое, брат, я же тебя так люблю, а ты «ик», там с ними, а не со мной!!! Помнишь как в детстве, после школы бокса, ты да я, глушили рыбу, засовывая самодельные бомбы под пирс. Брательник, утром жду тебя на Яхте, будем рыбачить! Девочки приготовят нам пойманную рыбу, ты главное приходи.– Это был Мартин, вечер у которого явно шел по запланированной схеме.

Неудержимое желание Акима быть в тот момент рядом с братом было подлинным и неиспорченным.

– Брат, семь утра и я уже буду на пристани, люблю тебя.

– Конец связи капитан Мошонка.

Стоило двум частям телефона со звонким стуком воссоединиться, как всем присутствующим стал слышан, только начавшийся тост Николь:

– Дорогие друзья, соратники, в эту прекрасную ночь, я очень рада делить с вами эту заряженную благородством атмосферу, и то, что каждому из нас досталось то, что он заслуживает. Мы все на вершине Олимпа и пусть всегда остается так. Я хочу, чтобы все в этом городе помнили, где их место: кому у трона, кому в ногах.

– В таком случае и у меня созрел тост, – выкрикнул из-за стойки Аким и подошел к своей спутнице, взяв микрофон, – Дым сигарет и пидорская музыка, бодрые стилиаги и уставший я. Ну здравствуйте, будущие мамы, позор нынешнего бытия. Я не против с вами выпить, передайте привет своим парням, целовавших вас, забыв про губы. Пусть передадут привет своим мамам, вчера заходившим ко мне в гости. Я хочу уехать домой, где ждет меня черноглазая икона, которой стыдно за меня чуть меньше чем за вас. Встретимся в аду милые дамы, их парни и мамы. Не стоит ходить в церковь под старость лет, я оплакиваю вас на алтаре танцпола. После сказанного Аким швырнул микрофон на пол, а негодующая толпа стала освистывать и что-то выкрикивать «вчерашнему» идолу.

– Теперь точно не моя, – внезапно Аким крикнул Лиле через весь зал.

– Остаток ночи я пропью с ним, – завершил Аким, неожиданно схватив темнокожего карлика, который нес телефон в одну из комнат и побежав к выходу.

Глава 3. Рыбалка с братом. Знакомство с Сэмом. Пьяный, обдолбанный карлик

У вас большое сердце, сэр, не то, что у людей вашего социального положения.— Начал карлик, проходя с Акимом вдоль близлежащей трассы.

Да ну этих ящероподобных свингеров на хер, старина, поверь, мне куда больше по душе твоя компания. -Ответил Аким, – дальше наш путь лежит к моему дому, запасемся там парой бутылочек индийского рому и прихватим с собой н-ное количество каких-нибудь, хер его знает, цитрусов, а дальше ринемся кутить на мою яхту, что думаешь?

Как скажете сэр.

Прекрати, черт бы тебя побрал, называть меня сэр, я тебе не престолонаследник королевской семьи.

Дом Акима находился в пятнадцати минутах ходьбы от вечеринки. Собственно его домом являлся люксовый номер отцовского отеля. по пути он не раз останавливался, чтобы справить нужду, все глаза, не станет ли карлик делать тоже самое, уж больно было интересно, что у крохи под брюками. Подойдя к дому, Аким заметил какое-то чтиво, брошенное слева от его крыльца, подобрав его, он прочитал заголовок: «трое упоротых джанки⁵ принесли в жертву самоанского миссионера.»

– «Мир катится к чертовой маме» – подумал Аким.

Зайдя домой, наш герой быстро переместился к бару, начав закидывать в пакет какого-то фирменного бутика все, что под руку попадет: ром, джин, бурбон...

– Старина, захвати в холодильнике цитрусов, – прокомандовал Аким.

– Боюсь мне не дотянуться.

– И в самом деле. Как, кстати, тебя зовут? – Аким поинтересовался, уже собственноручно открыв дверцу холодильника.

– Черный Джек или Джеки, как вам угодно.

На верхней полке холодильника Аким обнаружил, давно забытый им пятиграммовый чек с кокаином.

– Боюсь без этого нам не обойтись.

– Без чего? – Спросил Джек.

– Ну, в прочем неважно, подойди ближе Джеки, – сказал Аким, налив в «рокс» примерно двести грамм рому, выдавив туда перезрелого грейпфрута, и, конечно, припудрив этот желанный вихрь шепоткой кокса. – Один глоток, старина, перенесет тебя в мир, где ты достанешь желаемое с любой высоты полки, один глоток.

Закончив, Аким сварганил себе такой же коктейль, правда, отделив порошок от жидкости, такие вещи он употреблял в чистом виде, чистом как слезы оплошавших аистов, принесших мертворожденный детей.

Серенада самых желанных мыслей вдруг начала звучать в хрупком мозгу маленькой черепной коробки милого карлика.

– Знаешь Аким, ты мне сразу понравился, с первого обращения ко мне, мол «старина» и все дела. Ты крутой чувак, нет, правда, ты как Данко освещал темный лес заблудших душ минувшего вечера, ты...

– Тормози, Джеки, милый Джеки, побереги эти мысли на самое незабываемое утро-прервал Аким словесный понос вновь приобретенного друга. «Бедный уродливый Джек», –

⁵ Джанки – сленг наркоман. Джанки» – роман Уильяма Берроуза. Это во многом автобиографичное произведение – стало первым опубликованным романом писателя. Название является сленговым термином, обозначающим наркомана. Также роман известен под названием Junky, а рабочим названием во время его написания было Junk.

думал Аким, – «Что предстоит пережить ему впереди, сколько невзгод, сколько разочарований, после грядущей блаженной оргии под прозрачным, как воздух небом и над мутным, как целлофан морем, предавшись мирским утехам, на нашей с братом яхте.

Карлик не прекращал говорить, подвергаясь пыткам скоростной «сыворотки правды», но Аким больше не слушал его, набирая номер такси.

– Але такси, отвезите меня, где буду в грязи, где я король, а вы не князи.

– Сэр, я вас не понимаю – откликнулся хриплый женский голос с обратной стороны телефона.

– Да херали вам не ясно, я желаю карету к дому прекрасного Акима, и побыстрее!

– Быстрее пидоры мать вашу, – откуда-то снизу просвистел свирепый голос уже не такого скромного, как раньше темнокожего Джека.

– Я все поняла, пятнадцать минут и машина будет. – Ответил диспетчер.

– Десять минут, десять и чтоб ваша чертова колымага стояла у моего крыльца, – завелся Аким.

– Пять псы вы бешенные, пять! – никак не мог уgomониться карлик.

– Машина уже едет, – нервно завершила девушка.

Машина действительно подъехала через пять минут, «полезный все-таки у меня компаньон» – подумал Аким.

Погрузившись на заднее сиденье машины наши герои отправились на набережную. Постоянный бубнёж Джека перебивал тихо работающее радио на волне «Jazz FM».

За рулем сидел темнокожий мужчина с довольно широкой спиной. Лицо скрывалось за веселой маской, белого, как мрамор, цвета, такой белой, что в темном салоне авто, четко виднелся контр его черной шеи. Через десять минут Аким и Джек очутились на набережной.

– Вот мы и на месте, с вас восемь долларов, – промолвил таксист, это было единственным, что он вообще произнес за всю поездку. Голос звучал уставшим и весьма равнодушным.

– Вот, сдачу оставьте себе, сказал Аким и протянул пятидесятидолларовую купюру.

– Ну, что Джекки, вперед навстречу веселью.

Карлик, схватив пакет с алкоголем, вылез из машины с подлинным отпечатком радости на его лице. Вслед за ним вышел Аким. На улице уже расцвело, солнце пригревало еще совсем слабо. Оно будто хотело задушить всех вокруг своими пламенными руками, но не дотягивалось, лишь довольствуясь тем, что ее руки хотя бы издали были заметны. Идя вдоль набережной к причалу, Аким вновь увидел прекрасные картины. Их вытаскивал из большого мешка и раскладывал вдоль мраморной ограды парাপета мужчина, одетый в маску кукрыниксов. Аким подошел к художнику и с Интересом начал рассматривать, уже выставленные три произведения. На одном из них был изображен уродливый горбун, карабкающийся по почти вертикальной горе, с вершины которой катятся вниз каменные валуны, разбивающиеся о почти лысую голову скалолазу. А на самом вверху нашли себе приют множество всяких земных утех: деньги, длинноногие красотки, которые будто зазывали его лезть к ним через боль и страдания, вспышки камер и реки алкоголя, льющиеся горным водопадом вниз, всяческим образом избегая встречи с горбатым парнем.

– Доброе утро сэр, – художник поприветствовал Акима.

– И ты туда же, не называй меня сэр, мы с тобой мало чем отличаемся, только я стало быть, повыше ростом. Меня Зовут Аким, а этот маленький озорник – мой компаньон Джек, – ответил Аким, в конце указав рукой на кивающего карлика.

– Рад встречи, очень приятно хоть изредка поговорить с вежливыми людьми, меня зовут Самуил, если бы у меня были друзья, полагаю, они бы звали меня Сэм – продолжил художник.

– А я полагаю, что теперь у тебя есть друзья. Кстати, очень интересная картина, вот, где горбун лезет в гору, как называется?

– Я назвал ее стремление к мечте, а у меня, знаете, вся жизнь – сплошные мечты.

– Ну, она и впрямь достойна внимания, правда боюсь не каждый оценит ее по заслугам. Как тебе картина Джекки?

– ДА-ДА-ДА! Динамика, драйв, страдания, не хватает обильных крововыделений из головы бедолаги, камни то и дело рассекут его голову в кашу, – выдал карлик, сопровождая сказанное психоделическим смехом.

«Зря я так накачал ублюдка, по-моему, он нахрен слетел с катушек» – подумал Аким.

– Сэм, вчера я отдыхал с подругой на этом пляже, так вот, я заметил у тебя одну картину, где была в четкости передана вся пляжная атмосфера. И, знаешь, мне кажется, я там увидел себя, и вроде как, моя физиономия была подчеркнута куда ярче других.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.